

Кулыгина. - 1991. - 21 сент. (№ 2). - С. 9.

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ!

Все это было бы смешно...

Этот голос... Мелодичные баритональные переливы, твердые камешки согласных, мягкая интонация поэта, чуть уловимая, но неизменная ирония.

Этот голос «за кадром» узнаешь из тысячи, если читает Зиновий Гердт. Впрочем, «читает» — здесь слово крайне неточное. Везет тексту, когда за него берется Гердт. Текст превращается в личное слово, в разговор, который ведет с нами большой Актер, умница.

Пригласить Гердта на так называемую «творческую встречу» — значит заведомо сломать ее унылые каноны. О чем бы речь ни шла, какие бы актуальные темы ни предлагались, — все закрутит, переплавит и у нас на глазах вылепит заново озорная воля, дьявольская творческая фантазия.

В «Фаусте» он сыграл Мефистофеля. Ко всемогущему цинизму добавилась вселенская печаль. В «Золотом теленке» он был Паниковским. Мелкий жулик существовал в параметрах подлинной человеческой драмы. Когда он умирал, хотелось плакать.

В «Соломенной шляпке» его смешной водевильный герой более всего боялся простуды. Но, кажется, еще чего-то. Крупный план, лицо, глаза — какая пронизательность и грусть: боюсь нелюбви, не хочу плохого конца.

Как-то с телеэкрана Зиновий Гердт вспоминал счастливые

времена Дома актера, веселое актерское братство, капутники. Он знал и настоящее студийное братство — еще со времен молодой Арбузовской студии. И военное — испытан на собственной душе, на себе самом... А еще — тесное и крикливое братство коммуналок, и мир удивительных московских старушек, этих гордых одиночек и космических душевных высот.

Его классический кукольный конференсье Аркадий Апломбов откровенно признавал: «Я человек, профессионально занимающийся юмором». Апломб — профессиональное качество Апломбова. Юмор — свойство ума и сердца Зиновия Гердта, его группа крови.

...Компания шутников, среди которых Марк Бернес и Гердт, сидит глубоким вечером в гостиничном номере. На дворе мрачнейшие времена, поиски «врагов народа», борьба с космополитами, прослушивание телефонов... В номере тепло, друзья не выдерживают, пошли политические анекдоты. Негромко звучит радио. Вдруг — тишина. Мгновенное оцепенение и реплика одного из друзей: «Понятно. Перематывают бобину».

Вы это рассказывали, Зиновий Ефимович, и мы смеялись. Вы это пережили. Мы, слава богу, нет. Чуть было... недавно... но — нет! Однако, ваши глаза: вы все это хорошо знаете и не желаете этого больше. Мы тоже. Но надо помнить. «Все это было бы смешно...»

У вас — день рождения. Вы много сыграли. Но мы хотим еще.

Н. КАМИНСКАЯ.